

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА: КАК «МИРНЫЕ НАРОДНИКИ» ПРЕВРАТИЛИСЬ В «МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ РЕАКЦИОНЕРОВ»*

В.В. Зверев

Кафедра истории российской государственности
Российская академия государственной службы при Президенте РФ
пр. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

Статья посвящена изучению реформаторского крыла народничества в 20-е гг. XX — начале XXI в. Особое внимание уделено влиянию на исследовательский процесс утвердившемуся в советской исторической науке в качестве единственно верного методологического подхода ленинской концепции эволюции общественной мысли России второй половины XIX в. Анализируются итоги изучения темы, представлено авторское видение перспектив ее дальнейшей разработки.

Ключевые слова: историография, методология, концепция, модернизация, общественное движение, реформаторство, народничество, реформаторское народничество, итоги, перспективы изучения.

В дореволюционный период в отечественной историографии были сделаны лишь первые шаги в изучении реформаторского народничества (1). Среди высказанных точек зрения наибольшей цельностью, логичностью и последовательностью классового подхода отличалась ленинская концепция. Согласно оценкам лидера большевиков, отличительной чертой народничества являлся демократизм (2). На раннем этапе развития капитализма в России, когда в деревне еще не произошло образования сельской буржуазии и пролетариата, с определенными оговорками можно было говорить о революционно-социалистическом потенциале народничества, так называемом «крестьянском социализме». Однако к концу XIX столетия эпоха «блестящей плеяды революционеров» 70-х гг. осталась в прошлом и ей на смену пришла стадия «политически-радикального демократизма» (3).

Во всей системе народнических воззрений Ленин выделял ее три основные черты: «1) Признание капитализма в России упадком, регрессом.; 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 08-01-00222 а.

щиной, артелью и т.п. в частности..; 3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридино-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов» (4).

Именно эти ленинские постулаты во многом предопределили изучение народничества в советское время, используя в качестве как методологической основы научных дискуссий, так и далеких от науки конъюнктурных спекуляций. В этом утверждении, как нам представляется, нет принципиальных противоречий. Отечественные ученые пытались опереться на свойственные Ленину принципы социально-экономического анализа. В то же время карьеристы от науки ориентировались на те сиюминутные политизированные оценки, которые были присущи публицистическим выступлениям лидера большевиков в периодической печати.

Для характеристики процессов, происходивших в отечественной историографии 20-х гг. XX — начала XXI в., мы считаем вполне допустимым использовать общепринятую периодизацию, выделив при этом четыре основных этапа: 1) 20-е — середина 30-х гг.; 2) середина 30-х — середина 50-х гг.; 3) середина 50-х — начало 90-х гг.; 4) 90-е гг. XX в. — начало XXI в.

В двадцатые годы, в значительной степени под влиянием эпохи «бури и натиска», главное внимание было уделено народникам-революционерам. Публикация различных документов, появление работ, посвященных изучению наследия П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.Н. Ткачева, революционной деятельности семидесятников, дискуссия о «Народной воле», — все это свидетельствовало о приоритетном направлении исследований (5). Умеренное крыло народничества оказалось на периферии научного интереса.

Источниковая база проблемы оставалась практически на дореволюционном уровне (6). Незначительно изменился и круг изучаемых представителей реформаторского народничества. Правда, О.В. Аптекманом и Б.П. Козьминым впервые были проанализированы взгляды П.П. Червинского (7), но в целом главное внимание по-прежнему уделялось Н.К. Михайловскому (8), а воззрения таких не менее значимых теоретиков, как, например, В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон, рассматривались лишь в общем контексте эволюции народничества (9).

В 20-е — начале 30-х гг. взгляды Михайловского стали предметом серьезных споров как между представителями неонароднического, так и марксистского направлений в историографии. Полемика развернулась вокруг революционной или неревolutionной направленности деятельности идеолога народничества, ибо социалистический характер его мировоззрения не отрицался и марксистами. Наиболее отчетливо акценты были расставлены в дискуссии между Е.Е. Колосовым, представившим Михайловского как главного идеолога и одного из руководителей партии «Народная воля» (10), и В.Н. Фигнер, оспорившей идею его «руководящей роли» и полагавшей, что он признавал лишь «необходимость низвержения самодержавия и борьбы за политическую свободу» (11).

Близкой к позиции Фигнер оказались и суждения марксиста Б.И. Горева, считавшего Михайловского «революционером мысли», который «не примыкал целиком ни к одному из тогдашних революционных течений», не был выразителем их взглядов, а террор «Народной воли» рассматривал как средство запугать прави-

тельство и добиться от него политических уступок. В целом, по мнению автора, это лишь подтверждало определенную эволюцию его теоретических построений от консервативного мелкобуржуазного социализма прудонистского толка к политическому радикализму, созвучному в некоторых аспектах либерализму (12).

В схожести взглядов бывшей народоволки и бывшего меньшевика не было, на наш взгляд, ничего необычного. Напротив, стремление Горева доказать, что Михайловский был «гораздо глубже и шире того карикатурного портрета, который вырисовывается из полемики с ним Плеханова и Ленина...», свидетельствовало об отходе части марксистов от политизированных оценок прошлого, характерных для былых партийных баталий, ставших «достоянием истории». В изменении подходов стали просматриваться попытки объективного прочтения творческого наследия одного из крупнейших идеологов народничества. В немалой степени этому способствовало и существование в 20-х гг., хотя и в урезанном виде, плюрализма научных идей.

В своей интерпретации мировоззрения Михайловского Горев, например, признавал его «величайшую научную заслугу» в разработке теории «героев и толпы», сближал субъективный метод народнического социолога с марксистским признанием «классовой точки зрения в общественных науках», да и в целом признавал наличие в трудах Михайловского «незаконченного, неуверенного, зародышевого... „марксистскообразного“ исторического материализма...», сформировавшегося, как он считал, при несомненном влиянии Чернышевского (13).

Однако наряду с существовавшей тенденцией уже в 20-е гг. среди историков все отчетливее стала проявляться большевистская нетерпимость к иной точке зрения, к инакомыслию, с ее главной установкой: история — это политика, опрокинутая в прошлое. В полемике о Михайловском выразителем данной позиции выступил И.А. Теодорович, представивший его всего лишь идеологом, а не практиком «политического радикализма», «попутчиком» революционеров, который в дальнейшем легко «отпочковался», эволюционируя к либерализму (14). Сама лексика выступления Теодоровича, выдержанная в резких обличительных тонах партийных дискуссий, стала предвестником исторического нигилизма середины 30-х — середины 50-х гг.

Подробное освещение споров о характере общественной деятельности Михайловского показательное еще и потому, что в ней отразилось отсутствие общей классификационной модели умеренного крыла народничества. Самое большее, что смогло дать рассмотрение теоретических поисков Михайловского, заключалось в констатации утопического содержания его социалистического идеала. В концептуальном плане напрашивался вывод о перманентном существовании в народничестве левого (революционного) и правого (оппортунистического) крыльев, испытывающих влияние как западноевропейских, так и российских вариантов утопии (прудонизм, бабувизм, бакунизм) (15).

Противопоставление революционного и «оппортунистического» течений в народничестве не давало ответов и на ряд важных и принципиальных вопросов: существует ли преемственность между поколением 60-х и 70-х гг., где проходит грань, отделяющая социалистические и революционные взгляды народников.

В лучшем случае в некоторых работах повторялись уже хорошо известные по до-революционной литературе утверждения о существовании в 70-х гг. культурнической тенденции в народничестве, которая у восьмидесятников станет преобладающей особенно после 1887 г. (покушение группы А.И. Ульянова на Александра III), и об отделении от «культурников» группы народников-конституционалистов.

Неопределенной оставалась и классификация позиций ведущих российских журналов 80—90-х гг. XIX в. Пожалуй, только Н.Л. Сергиевский отстаивал точку зрения, что именно легальная народническая журналистика («Русское богатство», «Русская мысль») сумела остаться выразительницей политически зрелой, но не революционной позиции народничества, которая воплотится в начале XX в. в программах энесов и трудовиков (16).

Многообразие оттенков народнической мысли стало предметом пристального внимания крупнейшего знатока народничества — Б.П. Козьмина, пришедшего к выводу, что в 70-х гг. XIX в. произошел отход представителей нового поколения от заветов шестидесятников. В теории «на смену материализма... пришли позитивизм и агностицизм», в этике — утилитаризм был заменен идеей жертвенного долга перед народом, в социологии — объективизму был противопоставлен субъективный метод. Предвестником этого направления еще в шестидесятые годы стал «раскол в нигилистах». Причиной его во многом стал арест Чернышевского в 1863 г., заставивший «Современник» все больше эволюционировать «от революционного западничества к народничеству». В конкретной практике это выразилось в идее «о необходимости предварительной пропаганды, имеющей своей задачей убедить народ в невозможности получить волю и землю из рук царя». Другая часть радикально настроенной интеллигенции группировалась вокруг журнала «Русское слово», где, под влиянием статей Д.И. Писарева и В.А. Зайцева, крепло мнение о невозможности народной революции и о медленности и ненадежности пути, избранного «Современником». В результате обнаружившихся расхождений «революционные круги раскололись на две враждующие между собой и борющиеся за преобладание части» умеренных народников-пропагандистов и революционеров-якобинцев, возлагавших свои надежды на «умственный пролетариат» (17).

Выразителем умеренного народничества уже в «Отечественных записках» и стал Михайловский, который, по мысли Козьмина, совершил теоретическую эволюцию «в сторону преобразования народничества из революционного крестьянского социализма в социализм — по выражению Ленина — мещанский». Внутри семидесятников произошел раскол «на народничество оптимистическое, принимавшее за идеал деревню полностью, как она есть, и на народничество критическое, начавшее отличать «мнения» народа... от «интересов» народа, которые должны быть высшим руководящим принципом, направляющим всю деятельность интеллигенции» (18).

В подполье революционеры-народники по существу вынуждены были все больше отходить от «правоверной» народнической позиции и признавать необходимость политической борьбы. В легальной печати выразителем этой тенденции

на рубеже 70—80-х гг. стал журнал «Русское богатство». Одновременно с этим такие издания, как газета «Неделя» и журнал «Устой» с их «политической умеренностью», пропагандой «идеи русской деревни», служили примерами «начинающегося разложения» и перерождения в «мирное» народничество 80-х гг. (19).

Таким образом, Козьмин пытался, с одной стороны, опереться на ленинские идеи, а с другой — использовал терминологию, в общем традиционную для дореволюционной историографии («оптимистическое» и «критическое» народничество 70-х, «мирные» народники 80-х). От этого его работы, конечно, не теряли эвристической значимости, но сам факт тесного переплетения ленинской модели и накопленного багажа знаний весьма показателен. В 20-е — начале 30-х гг. ленинизм еще не стал господствующей парадигмой исследовательского процесса, что позволяло достаточно свободно обращаться к интерпретации взглядов народничества, расходясь в некоторых вопросах с позицией Ленина.

Так, сам Козьмин, разделив разночинский этап освободительного движения на два разных по своей значимости периода и противопоставив их друг другу по направленности и содержанию, вступал в противоречие с ленинской концепцией «революционного наследства». Вызывает возражения и тезис историка о понижении теоретического уровня народничества 70-х гг. по сравнению с предыдущим поколением, но его конкретные работы внесли заметный вклад в историю изучения общественной мысли.

В целом историография реформаторского народничества 20-х — начала 30-х гг. отразила обозначившийся переход отечественной науки от методологического многообразия дореволюционного времени к преобладанию ленинской модели. И хотя этот процесс еще не был вполне завершен, общая тенденция обозначилась вполне очевидно, не говоря уже о том, что интерпретация лишь общественно-политического среза мировоззрения упрощала и обедняла общую картину, в то время как серьезный анализ требует широкого использования источников, выявления и осмысления философских, социологических, экономических взглядов различных представителей этого течения общественной мысли.

Следующий этап советской историографии отличался своей деструктивностью: два десятилетия (середина 30-х — середина 50-х гг.) изучение народничества в целом и его реформаторского крыла в частности пребывало в глубоком кризисе. Установившийся в стране сталинский режим требовал всеобщего единомыслия, господство которого в исторической науке было закреплено постановлением ЦК ВКП(б) от 13 июля 1935 г. «О пропагандистской работе в ближайшее время». Согласно одному из «руководящих указаний», было «необходимо особенно разъяснять, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчеством и т.п.) как злейшим врагом марксизма и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы...» (20).

В соответствии с выдвинутыми тезисами с середины 30-х гг. активно внедрялась идея о перерождении мелкобуржуазных социалистов 70-х гг. в идеологов кулачества 90-х, вредивших всеми средствами пролетарскому движению (21). В ранг догмы это положение было возведено печально известным «Кратким кур-

сом», в котором либеральные народники были отнесены к категории «фальшивых „друзей народа“», проповедовавших на деле «примирение с царским правительством» (22).

Сталинское прочтение ленинских работ исключало любые упоминания о демократическом содержании народнической доктрины. А идеи либерального народничества можно было критиковать, разоблачать, клеймить как «глубоко ошибочные», «реакционные утопии», свойственные либералам «самого худшего пошиба, пресмыкающимся перед буржуазией и царизмом» (23).

Вся многочисленная и однотипная пропагандистская литература этого периода (24) имела, по справедливому определению Б.П. Козьмина, «...обличительный, нежели исследовательский характер» (25). На ней, может быть, и не следовало бы останавливаться, если бы эти статьи, брошюры, публичные лекции не искажали картину прошлого, не способствовали формированию стереотипа мышления сталинского толка, не препятствовали работе историков. В течение двадцати лет не появилось ни одной научной работы, посвященной анализу народнического мировоззрения и практики. Объективные исследователи вынуждены были либо, говоря словами Чернышевского, «многозначительно молчать», либо выбирать «нейтральные» темы для своих выступлений (26). Именно в середине 30-х — начале 50-х гг. понятие «либеральное народничество», использовавшееся в дореволюционное время как политический термин, прочно вошло в историографическую лексику.

Новый импульс исследование народничества получило в годы хрущевской «оттепели», наступившей после XX съезда КПСС. Призыв вернуться к ленинским оценкам исторических явлений, разумеется, не устранил принципа партийности, однако появилась возможность отказа от сталинской модели эволюции народнической доктрины. В первую очередь были оспорены тезисы о противопоставлении революционной демократии революционному народничеству, о понижении теоретического уровня семидесятников в сравнении с шестидесятниками, а также предпринята попытка новой периодизации разночинского этапа революционно-освободительного движения.

Всплеск интереса к крупнейшему течению общественной мысли России второй половины XIX в. позволил таким историкам, как В.Ф. Антонов, Б.С. Итенберг, Н.М. Пирумова, Н.А. Троицкий, В.А. Твардовская и др., опираясь на ленинские оценки, обратиться к непредвзятому изучению социально-экономических и общественно-политических взглядов Герцена, Чернышевского, Бакунина, Лаврова, Ткачева, к революционной практике семидесятников. Однако основным предметом исследований 60—80-х гг. оказалось преимущественно революционное народничество. Его реформаторскому течению уделялось гораздо меньше внимания. Вместе с тем в 60-е гг. историки приступили к изучению истоков либерального народничества, причин «растворения народничества в либерализме», а также попытались дать периодизацию этого процесса. В интерпретации этих проблем выявились две точки зрения.

Представители первой из них (Б.П. Козьмин, М.В. Нечкина, Н.А. Каратаев и др.) придерживались идеи о движении теоретической мысли 70-х гг. по нисхо-

дядей линии. С отходом от революционно-демократических взглядов шестидесятников стали постепенно проявляться, по мнению этих исследователей, присущие еще просветительству Герцена либеральные колебания, которые впоследствии оформились в творчестве Н.К. Михайловского, Г.З. Елисеева, И.И. Каблицы, П.П. Червинского, Я.В. Абрамова в реформистское и либеральное течения. Между его идеологами существовали серьезные расхождения в оценках степени капиталистического развития страны и характера взаимоотношений интеллигенции и народа. Однако неревOLUTIONная направленность, склонность к культурнической программе позволяла рассматривать общую позицию народников как их вырождение и потерю народничеством прежнего прогрессивного содержания (27).

Другая группа историков, отказавшись от искусственного деления разночинского этапа на 60-е и 70-е гг. XIX в., обратила внимание на необходимость более детального изучения эпохи 80—90-х гг. Эта точка зрения была высказана Н.А. Троицким во время дискуссии о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения. Для решения данной задачи он предложил выделить следующие этапы в эволюции народничества: 1882—1887 гг. («отступление революционно-народнического движения и оформление социологических, программно-экономических и политических устоев либерального народничества...»); 1888—1895 гг. («расцвет либерального народничества и начало его идейного разгрома»). Троицкий считал, что ускорение процесса перерождения революционного народничества в либеральное было связано с упадком «Народной воли» (28). Его позиция была поддержана М.Г. Вандалковской, Д.А. Колесниченко (29). Сходных взглядов придерживалась и Н.М. Пирумова, которая наряду с этим отметила, что «либеральное направление далеко не исчерпывает содержания народнического движения и народнической мысли в 80—90-е годы» (30). Несмотря на обозначившиеся расхождения в трактовке степени влияния либеральной тенденции на русскую интеллигенцию в 80—90-х гг., подходы второй группы историков следует признать более толерантными, а в научном плане — более продуктивными.

Вместе с тем необходимо отметить, что полемика позволяла лишь восстановить ленинскую концепцию народничества и определить в ней место умеренного крыла народнического направления. В концептуальном плане за народнической интеллигенцией по-прежнему закреплялась роль выразителя интересов крестьянства, а в связи с этим и эволюция общественно-политической программы ставилась в зависимость от развития капиталистических отношений и изменения социального состава русской деревни.

Наряду с этим отход от оценок «Краткого курса» порой сопровождался перенесением отрицательных характеристик, которыми наделялось ранее все народничество на «его эпигонов» 80—90-х гг. Некоторые авторы утверждали, что народники этого периода превратились в либералов. А это явно противоречило ленинскому пониманию эволюции народничества (31). Другие историки вполне обоснованно доказывали, что Ленин относил либеральное народничество к мелкобуржуазной демократии, выделяя в ней прогрессивные и реакционные черты (32).

Различия в определении характера политической направленности либерального народничества, естественно, сказывались на выявлении социальной составляющей этого течения общественной мысли. Часть историков видела в народниках 80—90-х гг. прямых и непосредственных выразителей интересов кулачества (33). Авторы, придерживавшиеся более взвешенных подходов, считали их сторонниками среднего крестьянства (34).

Долгое время, как напоминание о сталинском наследии, в историографии сохранялся тезис о «крестовом походе» народничества против марксизма в 90-е гг. XIX в. Однако он был основательно поколеблен после публикации в 1972 г. монографии В.Г. Хороса «Народническая идеология и марксизм». Мы полностью солидарны с оценкой этой работы Г.Н. Мокшиным как одной «...из первых попыток изучения содержательной стороны идеологии либерального народничества без утрированных обвинений в реакционности и сознательном затушевывании эксплуатации трудящихся» (35).

Узость рамок классового подхода все более проявлялась и при конкретно-историческом исследовании взглядов либеральных народников. Правда, в 1960—1980-е гг. значительно расширился круг лиц, взгляды которых стали предметом изучения. Наряду с возрождением интереса к творческому наследию Н.К. Михайловского значительное внимание стало уделяться И.И. Каблицу (Юзову), Н.Ф. Даниельсону, В.П. Воронцову (36). Появились обобщающие исследования социальной философии, социологии, экономической мысли либерального народничества и отдельных его представителей (С.Н. Кривенко, С.Н. Южаков, Г.П. Сазонов и др.) (37). Однако не все из вышедших работ были равнозначны. К числу несомненных достижений советской историографии относятся, по нашему мнению, содержательные труды Э.С. Виленской, А.А. Галактионова, П.Ф. Никандрова, А.П. Казакова, М.Г. Седова, Ф.М. Суловой, В.А. Твардовской, В.И. Харламова и др. Но с ними нередко соседствовали сочинения, в которых звучали обвинения либерального народничества в реакционности, отсутствии научности подхода, в отрицании объективной закономерности общественного развития, в неприятии принципа партийности в философии, в пристрастии к «модным» идеалистическим теориям (38).

В процессе изучения историки сталкивались с фактами, которые противоречили ленинским оценкам «реакционных сторон» народничества 80—90-х гг. и свидетельствовали не только о демократическом, но и социалистическом характере левого (политического) крыла либеральных народников, а также близости некоторых из них к революционным кругам.

Недостаточность только политического и социологического объяснения трансформации революционного народничества в либеральное заставляла обращаться к изучению объективных и субъективных факторов этого процесса — социально-экономической динамики, внутренней политики русского самодержавия, равно как и изменений в теории и идеологии, в социально-психологических мотивах, которые, в свою очередь, зависели от опыта деятельности в деревне и соприкосновения с другими теориями. Такой подход, наиболее обоснованный в работах В.И. Харламова, позволял расширить рамки исследовательского метода,

по-иному взглянуть на этапы развития либерального народничества, обозначить проблемы, нуждающиеся в дополнительной и расширенной интерпретации. Наряду с этим В.И. Харламов предложил собственную периодизацию либерального народничества: «...конец 50 — начало 60-х гг. — возникновение идеологии; вторая половина 60-х — рубеж 70—80-х гг. — формирование либерально-народнической программы, социолого-экономических основ этого учения; начало 80-х гг. — кризис революционного народничества, начало его упадка; 80-е гг. — распространение идеологии либерального народничества, начало преобладания либеральной тенденции в народничестве, расширение влияния либерально-народнической мысли на русскую интеллигенцию; начало 90-х гг. — борьба легальных народников с марксизмом, кризис либеральной тенденции в народничестве... и зарождение неонародничества». Выделенные периоды, по нашему мнению, реально отражают процесс эволюции этого течения внутри народничества. В.И. Харламов сумел творчески переосмыслить позитивный вклад отечественной историографии 60—70-х гг. и выделить вопросы, которые нуждались в дальнейшем изучении. К их числу он отнес анализ полемики «между отдельными группами либеральных народников», определение своеобразия позиции Михайловского и редакции «Русского богатства» в 90-е гг., сопоставление социально-экономических доктрин русского либерализма и легального народничества, исследование взглядов наиболее выдающихся его представителей (39). Постановка новых проблем представляла собой серьезный шаг в углублении исследований общественной мысли России. В целом они не утратили своей значимости и в настоящее время (40).

Наряду с обнаружившимися расхождениями между конкретно-историческими выводами и господствующей идеологической концепцией все очевиднее проявлялась необходимость сравнительного анализа народничества и аналогичных доктрин, получивших распространение в других странах. Выявить их типологическое сходство и региональные различия оказалось невозможным при использовании традиционных оценок. Для этой цели отечественные исследователи обратились к теории модернизации, которая позволяла, основываясь на идее многовариантности и многолинейности всемирно-исторического процесса, рассмотреть переход от аграрного общества к индустриальному. Такое понимание давало возможность оценить народничество как идеологию модернизации, своеобразную реакцию на развитие капитализма в России, включающую в себя концепцию некапиталистического пути социальной эволюции, постепенной адаптации народа (главным образом крестьянства) к изменившимся социально-экономическим условиям. Одновременно с этим теория модернизации по-иному обозначила подходы к проблеме формирования русской интеллигенции, ее оппозиционности власти и характеру взаимоотношений с народом. Этот слой населения уже не оценивался как выразитель интересов определенных классов, а как самостоятельный и активный элемент социальной структуры, имеющий собственные, присущие только ему, цели, мировоззрение и идеологию (41).

Таким образом, к середине 80-х гг. обнаружались явные расхождения между господствовавшей (ленинской) концепцией народничества и конкретно-историче-

скими исследованиями. Все более очевидной становилась неправомерность рассмотрения этого течения общественной мысли России как крестьянского социализма, перерождавшегося в результате капиталистического развития страны в мелкобуржуазный демократизм. Политические выводы о реакционности либерального народничества, якобы препятствовавшего распространению марксизма в стране, создавали серьезные трудности в понимании реального содержания и целевой направленности идеологии и практики народнической интеллигенции.

В годы «перестройки» проблемы эволюции русского народничества оказались несколько в стороне от магистрального направления развернувшихся дискуссий. Вместе с тем пересмотр оценок прошлого не мог не вызвать обращения к идейным поискам отечественных мыслителей, нереализованным альтернативам социальной динамики. На эту проблему обратил внимание один из признанных знатоков народничества В.Ф. Антонов, подчеркнувший необходимость анализа социокультурных особенностей страны, учета предыдущего опыта для выработки стратегии экономического развития, формирования гражданского общества (42).

Однако в целом в отечественной историографии реформаторского народничества существенных изменений не произошло. Можно говорить лишь об определенном подведении итогов (43).

Иная ситуация стала складываться в 90-е гг. Критическая оценка советского прошлого наложила свой отпечаток не только на отношение к революционным способам переустройства общества и революционерам, но и на восприятие социализма и социалистических идей, которые стали рассматриваться преимущественно сквозь призму утопии. Но желание найти истоки нетерпения и нетерпимости в психологии радикально-настроенной интеллигенции не всегда позволяет выявить причины кризисных явлений, проследить взаимосвязь между политикой власти и умонастроениями общества, определить характер влияния различных партий на массы и т.п. (44). Перед историками, как справедливо отмечалось во время проведения «круглого стола» в журнале «Отечественная история», может стоять только одна задача — проведение последовательного научного исследования, не допускающего «математической» смены знаков плюс на минус (45).

В целом снятие многих идеологических запретов советского времени позволило известным специалистам опубликовать работы, которые ранее не могли появиться в печати. В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг проанализировали восприятие отечественной интеллигенцией учения К. Маркса (46). В.Ф. Антонов изложил принципиально новую интерпретацию взглядов А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, которая в 70-е гг. XX в. была отвергнута чиновниками от науки (47). Б.П. Балугев обратился к проблемам идейной эволюции либерального народничества на рубеже XIX—XX вв. (48).

Наряду с выступлениями старшего поколения исследователей собственное понимание динамики взаимосвязи и взаимовлияния радикального и умеренного направлений было представлено в сочинениях молодых ученых. Предметом их исследований стали вопросы, связанные с формированием идеологии умеренного крыла народничества, эволюцией взглядов известных народников, интерпретации

ей народническими учеными православной религиозности и верований раскольников, с полемикой вокруг «теории малых дел» в 80—90-е гг. XIX в., дискуссиями с марксистами (49). Одновременно с этим усилился интерес к народнической модели преобразования России, ее экономической составляющей (50).

Без всякого сомнения, предпринятые отечественными исследователями усилия, направленные на устранение существующих историографических лагун, способствуют дальнейшему расширению исследовательского поля, определению новых направлений в изучении темы народничества. По нашему мнению, весьма перспективными представляется выявление мировоззренческих основ народнической доктрины, соотношения идеологии народнической интеллигенции и народного мировосприятия, характера взаимовлияния народничества и других течений общественной мысли. Не менее важно и рассмотрение процессов формирования основ неонародничества. Мы вполне разделяем мнение К.Н. Морозова о том, что вопрос о соотношении «старого» и «нового» народничества в начале XX в. «остается открытым» и требует дальнейшего осмысления (51).

Естественно, что решение перечисленных проблем должно осуществляться через введение в научный оборот новых архивных источников, изучение трудов авторов, имена которых всего лишь упоминаются в обобщающих работах. Понимание общих тенденций эволюции умеренного крыла народничества невозможно без выявления того частного и особенного, что было свойственно индивидуальному подходу отдельных ученых, литераторов, критиков.

Широкие перспективы открывает и использование художественной литературы в качестве исторического источника. Восприятие беллетристами прошлого народнических идей, их образное истолкование позволит по-иному взглянуть на унастроения эпохи, выделить ее характерные черты.

Однако, несмотря на открывающиеся новые возможности, по-прежнему остается актуальным вопрос о методологии исследования народничества. Как справедливо отмечает Г.Н. Мокшин, в настоящее время существует две линии изучения самого крупного и влиятельного течения общественной мысли России второй половины XIX в. Первая из них ориентируется на марксистский (классовый) подход, но очищенный «...от свойственной марксистской историографии «очернительной» тенденции в оценках...». Другая точка зрения базируется на убеждении, что новый импульс в изучении народничества может дать только изменение самой методологии анализа (52).

Примером первого подхода может служить добросовестная, содержащая богатый документальный материал монография Б.П. Балугева «Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков», которая, однако, оказалась далеко не свободной от традиционных оценок. Автор действительно попытался его показать как бы изнутри, опираясь главным образом на многочисленные научные и публицистические работы самих идеологов либерального народничества. К достоинствам работы следует отнести и некоторые наблюдения над степенью изученности проблемы. Но утверждение автора о том, что работы советских историков о либеральном народничестве можно рассматривать лишь как «различные мнения и ценные

наблюдения» в «пределах истолкования ленинских цитат» (53), звучит излишне категорично.

В целом же в монографии содержатся лишь более лояльные по сравнению с традиционными для советской историографии оценки полемики между народниками и марксистами. В работе явно ощущается отсутствие концептуальной четкости понятий, недостаточно выявлены принципиальные расхождения между «ортодоксально-либеральными народниками» и представителями его левого (политического) направления во главе с Михайловским, да и использование самого термина «либеральное народничество» никак не обосновывается. Не определены и хронологические рамки зарождения, эволюции умеренного крыла народничества, хотя данному вопросу, как мы стремились показать, еще ранее было уделено достаточно внимания. Отвергая на словах ленинскую концепцию народничества, автор, скорее, склонен соглашаться с ней (54).

По нашему мнению, напротив, необходимо констатировать исчерпанность эвристического потенциала ленинских оценок народнической доктрины. Сыграв положительную роль в деле опровержения сталинской догмы развития общественного движения в России, они сводят реальное содержание народнических идей преимущественно к выражению интересов определенного слоя населения России, в то время как народничество — это, в первую очередь, реакция образованного меньшинства России на происходившие в стране гигантские изменения: становление товарно-денежных отношений, складывание совершенно новой социальной стратификации, разрушение основ традиционной культуры. И как факт духовной жизни оно должно рассматриваться и анализироваться историками, экономистами, социологами, политологами.

Вызывает несогласие и свойственное ленинской оценке выделение трех основных черт народничества. По своей сути они — лишь частное, политизированное выражение более глубинных составляющих. Представляется, что к их числу относятся: понимание критерия прогресса, идеала справедливого общественного устройства; обоснование особого положения России в мировой цивилизации и попытка наметить альтернативный, некапиталистический путь ее развития; определение интеллигенцией особенностей своего собственного отношения к государству, народу в условиях модернизации страны. Без всякого сомнения, эти элементы народнической доктрины были весьма подвижны, подвержены влиянию различных «внешних факторов». Но вместе с тем они образуют общий вектор направленности народничества, в котором причудливо переплетались революционность и реформаторство, готовность на подвиг и повседневный труд, достижение народного блага и защита патриархальных основ крестьянского хозяйства.

Нельзя и отождествлять народническое мировоззрение только с «русским», «крестьянским» социализмом. Его содержание гораздо шире и включает в себя как социалистические, так и антикапиталистические, антилиберальные идеи. Их интерпретация в русле крестьянского социализма изначально сужает спектр исследования, выделяя в качестве приоритетных направлений утопические представления о создании общества справедливости, социальной гармонии, свободы

и равенства. К тому же и сам народнический социализм имел множество оттенков, нюансов. В значительной степени они были также сведены (Лениным в особенности) к «общему знаменателю»: социалистическим признавалось лишь то, что требовало революционного преобразования общества, радикальной переделки основ человеческого бытия.

Представляется также неправомерным и само понятие «либеральное народничество». Либерализм и народничество — доктрины, полярные в своей основе. Либерализм ориентирован на свободу личности, народничество на первое место ставит коллектив личностей. Либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество — обеспечение достойных условий существования всем членам общества.

И, наконец, для обозначения различия в подходах умеренного и радикального крыла целесообразно исходить из характера намечаемых преобразований и их направленности. Если радикалы считали возможным для изменения человека предварительно изменить общество и избирали средством реализации этой идеи революцию, то сторонники умеренного направления отдавали предпочтение перевоспитанию личности с постепенным и последовательным преобразованием экономических, социальных и политических отношений. Данную позицию можно охарактеризовать как реформаторскую.

Умеренная часть народнической интеллигенции, придерживаясь общих доктринальных представлений о типе и характере эволюции общества, роли и месте человека в процессе прогрессивного развития социума, имела собственные взгляды по более конкретным вопросам, которые не совпадали с революционной направленностью радикалов. Иной была и их идеологическая оформленность, что не исключает, а, напротив, подтверждает общность мировоззрения, которая воплощалась в множественности интерпретаций социальных, политических, экономических идей, различии программ общественного переустройства.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) См.: *Зверев В.В.* Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. — 2008. — № 4. — С. 55—71.
- (2) «...ложный в качестве социалистической утопии этот демократизм есть истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазных преобразований и условие его полной победы» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 120).
- (3) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 464; Т. 24. — С. 334.
- (4) Там же. Т. 2. — С. 528—529.
- (5) См.: *Левицкий В.О.* Борьба партии «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. — М.; Л., 1928; *Стеклов Ю.М.* Борцы за социализм. — М.; Л., 1924; *Потапш М.А.* Народнический социализм. — М., 1930; *Невский В.И.* От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». — М., 1930; *Теодорович А.* Историческое значение партии «Народная воля». — М., 1930 и др.

- (6) Так, из введенных в научный оборот источников следует отметить лишь некоторые документы из следственного дела Д.В. Каракозова, использованные Е.Е. Колосовым в статье «Михайловский в деле Каракозова», да издание программы журнала, подготовленной Н.Ф. Даниельсоном и его другом И.И. Билибиным (См.: *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». — М., 1929. — С. 179—183).
- (7) *Аптекман О.В.* Зачатки культурного народничества в 70-х годах // Историко-революционный сборник. — М.—Л., 1924. — С. 9—36; *Козьмин Б.П.* Публицистическая деятельность П.П. Червинского // От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». — М., 1933. — С. 159—185.
- (8) *Колосов Е.Е.* Михайловский в деле Каракозова // *Былое*. — 1923. — Кн. 23. — С. 44—75; *Кузьмин Д.* (Колосов Е.Е.) Народовольческая журналистика. — М., 1930; *Фигнер В.Н.* Послесловие. По поводу исследовательской работы Кузьмина «Народовольческая литература» // *Кузьмин Д.* (Колосов Е.Е.) Народовольческая журналистика. — М., 1930. — С. 231—276; *Теодорович И.* По поводу полемики В. Фигнер с Е. Колосовым // *Каторга и ссылка*. — 1932. — № 1(86). — С. 5—104; *Горев Б.И.* Михайловский и марксизм // Под знаменем марксизма. — 1924. — № 1. — С. 188—205 и др.
- (9) См.: *Пажитнов К.А.* Развитие социалистических идей в России. — Пг., 1924; *Козьмин Б.П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». — М., 1929; *Рязанов Д.* Предисловие. Переписка К. Маркса с Николаем-оном // *Летописи марксизма*. — М.; Л., 1930. — Т. 2 (XII); *Он же.* Предисловие. Переписка Ф. Энгельса с Николаем-оном // *Летописи марксизма*. — М.; Л., 1930. — № 3 (XIII).
- (10) *Кузьмин Д.* (Колосов Е.Е.). Народовольческая журналистика... — С. 65, 93, 18.
- (11) *Фигнер В.Н.* Послесловие... — С. 269, 265, 251, 267.
- (12) *Горев Б.И.* Н.К. Михайловский и революция // *Печать и революция*. — 1924. — Кн. 1. — С. 21, 22; *Он же.* Николай Константинович Михайловский... — 1931. — С. 39, 45, 87—88.
- (13) *Горев Б.И.* Николай Константинович Михайловский...
- (14) *Теодорович И.А.* По поводу полемики... — С. 58, 70.
- (15) Там же. — С. 18, 21.
- (16) *Сергиевский Н.Л.* Народничество 80-х годов // Историко-революционный сборник. — М.—Л., 1926. — Т. 3. — С. 149; *Он же.* «Черный передел» и народники 80-х годов // *Каторга и ссылка*. — 1931. — № 1. — С. 37, 46, 49.
- (17) *Козьмин Б.П.* К вопросу о кризисе реалистического направления в 70-е годы // От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». — М., 1933. — С. 189; *Он же.* Раскол в нигилистах // *Литература и марксизм*. — 1928. — № 2. — С. 69, 75, 94, 100, 101. Надо сказать, что точку зрения Козьмина в 20-е многие исследователи не принимали. Например, О.В. Аптекман считал, что «шестидесятники передали последующему поколению — семидесятникам — всецело свою идеологию» (*Аптекман О.В.* Зачатки культурного народничества... — С. 20).
- (18) *Козьмин Б.П.* К вопросу о кризисе. — С. 194, 212; *Он же.* «Русское богатство» 1880—1881 гг. // От «девятнадцатого февраля»... — С. 240.
- (19) *Козьмин Б.П.* «Русское богатство» 1880—1881 гг. — С. 231, 253; «Устой» 1881—1882 гг. — С. 282; *Он же.* К вопросу о кризисе... — С. 212.
- (20) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1985. — Т. 6. — С. 233.
- (21) *Костко К.* Разгром народничества марксизмом // *Большевик*. — 1935. — № 15. — С. 71; *Генкина Э.* О книге В.И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — М., 1936. — С. 34; *Ярославский Ем.* Очерки истории ВКП(б). — М., 1937. — Ч. 1. — С. 49.

- (22) История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М., 1953. — С. 20, 21.
- (23) *Бердник Л.* О книге Ленина «Развитие капитализма в России» // Под знаменем марксизма. — 1939. — № 4. — С. 83; *Гак Г.* О книге В.И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воют против социал-демократов?» — М., 1939. — С. 5; *Залкинд А.* О работе Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» // Под знаменем марксизма. — 1939. — № 5. — С. 155 и др.
- (24) См.: *Громыко А.* О книге В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» // Проблемы экономики. — 1939. — № 1; *Мрачковская И.* Развитие В.И. Лениным теории капиталистического воспроизводства в борьбе с либеральным народничеством // Вопросы экономики. — 1950. — № 5; *Гладко И.* О произведении В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». — М., 1952; *Шестаков М.Г.* Борьба В.И. Ленина против идеалистической социологии народничества. — М., 1959 и др.
- (25) *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. — М., 1961. — С. 638.
- (26) Весьма показательна в этом отношении судьба Б.П. Козьмина, опубликовавшего всего две работы (*Козьмин Б.П.* Литературная борьба вокруг Успенского // Новый мир. — 1938. — № 9. — С. 267—280; *Он же.* Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX века. — М., 1948), в которых мы не найдем «уничтожающей» критики и политических обвинений. Нет в них и славословий «великому» Сталину, и ссылок на его сочинения, что «выделяло его труды из подавляющего большинства исследований тех лет...» (*Твардовская В.А., Итенберг Б.С.* За изучением революционного движения в России. (К столетию со дня рождения Б.П. Козьмина // Революционеры и либералы России. — М., 1990. — С. 18—19).
- (27) *Козьмин Б.П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения // Из истории революционной мысли в России. — М., 1961. — С. 715, 725; *Нечкина М.В.* Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 129; *Каратаев Н.К.* Народническая литература 60—90-х годов XIX века // Народническая экономическая литература. — М., 1958. — С. 45. Весьма характерен в этом отношении следующий факт. Когда в 1956 г. во время обсуждения «Очерков истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» А.М. Ладыженский попытался причислить либеральных народников к представителям прогрессивно настроенной интеллигенции, поскольку они «стремились к ограничению самодержавия и превращению абсолютистской монархии в правовое государство» (*Ладыженский А.М.* Об освещении народничества // Вопросы философии. — 1956. — № 6. — С. 190), против такой «реабилитации» однозначно высказался Б.П. Козьмин (*Козьмин Б.П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе... — С. 726).
- (28) *Троицкий Н.А.* Дискуссия о внутренней периодизации... // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 113, 112.
- (29) *Вандалковская М.Г., Колесниченко Д.А.* Дискуссия о внутренней периодизации... // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 113.
- (30) *Пирумова Н.М.* Дискуссия о внутренней периодизации... // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 119. Аналогичной позиции придерживался и П.С. Ткаченко (*Ткаченко П.С.* О некоторых вопросах истории народничества // Вопросы истории. — 1956. — № 5. — С. 45; *Он же.* О спорных проблемах истории народничества // История СССР. — 1963. — № 6. — С. 83).
- (31) *Полевой Ю.З.* Распространение марксизма в России. — 1956. — С. 98; *Чагин Б.А.* Из истории борьбы В.И. Ленина за развитие марксистской философии. — М., 1960. — С. 36 и др.

- (32) *Гинев В.Н., Цамутали А.Н.* В.И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. — М., 1969. — С. 302; *Ковальченко И.Д.* Ленинская концепция истории крестьянства и народничества в России. — М., 1970. — С. 69 и др.
- (33) *Соболев П.И.* Борьба В.И. Ленина с народничеством, «легальным марксизмом» и «экономизмом». — М., 1958. — С. 8; *Косичев А.Д.* Развитие В.И. Лениным марксистской философии в борьбе с субъективной социологией народничества. — М., 1960. — С. 5 и др.
- (34) *Ковальченко И.Д.* Ленинская концепция истории крестьянства... — С. 59; *Мрачковская И.М.* К вопросу о критике либерального народничества в трудах Ф. Энгельса и В.И. Ленина // Вопросы КПСС. — 1981. — № 1. — С. 62; *Богданов Л.П.* К оценке В.И. Лениным идеологии либерального народничества // Вопросы истории КПСС. — 1990. — № 4. — С. 74.
- (35) *Мокшин Г.Н.* Общественно-политические взгляды и деятельность С.Н. Кривенко (1847—1906): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Воронеж, 1995. — С. 6.
- (36) *Виленская Э.С.* Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века. — М., 1979; *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Идеологи русского народничества. — Л., 1966; *Казаков А.П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. — Л., 1969; *Малинин В.А.* Философия революционного народничества. — М., 1972; *Седов М.Г.* К вопросу об общественно-политических взглядах Н.К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России. — М., 1965. — С. 179—210; *Суслова Ф.М.* Н.К. Михайловский и движение революционного народничества 70-х годов XIX в. // Исторические записки. — М., 1974. — С. 213—270; *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. — М., 1969; *Зверев В.В.* Общественно-политические взгляды Н.Ф. Даниельсона: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — М., 1986; *Харламов В.И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х — начала 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы (Юзова): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — М., 1980 и др.
- (37) *Лиоренцевич И.Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX в. — Л., 1978. — С. 107—195.
- (38) *Щитанов И.Я.* Философия и социология народничества. — М., 1983. — С. 186; *Фирсов В.М.* Социальная философия либерального народничества (Воронцов В.П., Даниельсон Н.Ф., Каблиц И.И., Южаков С.Н.): Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. — М., 1984. — С. 9, 18.
- (39) *Харламов В.И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. — М., 1979. — Вып. 10. — С. 113, 114.
- (40) К сожалению, многого из своих замыслов Виктор Иванович так и не успел реализовать. В ноябре 1996 г. этот прекрасный человек и талантливый ученый трагически погиб в автомобильной катастрофе.
- (41) См. подробнее: *Хорос В.Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. — М., 1980; *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. 1783—1883. — М., 1986. Отмечая ценность концепции модернизации для изучения народничества, вряд ли можно согласиться с преувеличением авторами влияния на мировоззрение русской интеллигенции западноевропейских теорий, синонимичностью понимания патриотизма и национализма, а также — с утверждением о понижении теоретического уровня семидесятников в сравнении с шестидесятниками (*Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция... — С. 135, 230, 279).
- (42) *Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. — 1991. — № 1.

- (43) Сошлемся на статью В.И. Харламова (Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70—80-х годах XIX в. // *Революционеры и либералы России.* — М., 1990. — С. 163—185) и на предложенную автором данной статьи интерпретацию народнической доктрины (В поисках социалистической перспективы // *Наше Отечество.* — М., 1991. — Т. 1. — С. 163—200).
- (44) См., например, *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. — М., 1992; *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. — М., 1997; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении. — М., 2000.
- (45) См.: Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // *Отечественная история.* — 1999. — № 1. Выступая во время проведения «круглого стола», С.В. Тютюкин обратил внимание на необходимость выработки понятийного аппарата, четкого определения предмета исследования, взвешенного анализа опыта прошлого. Абсолютно обоснованным выглядит и мнение автора о том, что «у освободительного движения были глубокие социальные корни и достаточно серьезные причины, сбросить которые со счетов просто нельзя, не впадая в беспринципную, безнравственную и глубоко антинаучную идеализацию царского самодержавия» (*Отечественная история.* — 1999. — № 1. — С. 17—18).
- (46) *Твардовская В.А., Итенберг Б.С.* Русские и Карл Маркс: выбор или судьба. — М., 1999.
- (47) *Антонов В.Ф.* А.И. Герцен. Общественный идеал анархиста. — М., 2000; *Он же.* Н.Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. — М., 2000.
- (48) *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. — М., 1995.
- (49) *Новак С.Я.* Абрамов — пионер «теории малых дел» // *Отечественная история.* — 1997. — № 4; *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. — М., 1997; *Жвания Д.Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70—90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — СПб., 1997; *Мокшин Г.Н.* Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. — Воронеж, 2007; *Блохин В.В.* На переломе. 1881—1904. Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80—90-е годы XIX века. — М., 2004; *Касторнов С.Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX — начала XX вв. Сравнительный анализ: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Орел, 2002; *Чикуннов М.П.* Эволюция народнических взглядов В.К. Дебогория-Мокриевича: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — М., 2008 и др.
- (50) *Рачков М.П.* Политико-экономические прогнозы в истории России. — Иркутск, 1993; *Зверев В.В.* Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. — М., 1997; *Расков Д.Е.* О судьбах капитализма в России // *Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения.* — Волгоград, 1999. — Вып. 1; *Васильев В.В.* Аграрные отношения в России конца XIX — начала XX века в публицистике либеральных народников. А.И. Чупров и Н.П. Огановский: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Самара, 2000 и др.
- (51) *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. — М., 1998. — С. 7.
- (52) *Мокшин Г.* Реформаторское народничество и проблемы самоидентификации российской интеллигенции // *Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя.* — М., 2003. — С. 375—376.
- (53) *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. — С. 21, 18, 15.
- (54) Там же. — С. 105, 156—164.

**THE IMAGE OF REFORMATIVE POPULISM
(NARODNICHESTVO) IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
FROM THE 20S YEARS OF THE 20TH
TO THE BEGINNING OF THE 21TH**

V.V. Zverev

Department of Russian State History
President of RF Russian Academy of State Service
Vernadsky Ave, 84, Moscow, Russia, 119606

The article represents the analyses of the term «reformative populism (reformative narodnichestvo)» and its moderate wing from the 20s years of the 20th to the beginning of the 21th. The special attention is paid to the Lenin's conception of evolution of the public opinion in Russia of the second half of the 19st, which became the faithful methodological approach in soviet history. At the same time the author gives his own opinion to the study of this problem for the future.

Key words: historiography, methodology, conception, concept, modernization, public opinion, delusion of reformism, populism, reformative populism (reformative narodnichestvo), totals, study in the future.